

Новый том «Литературного наследства»

Продолжая публикацию и исследование неизданных материалов по истории русской литературы XIX — начала XX веков, «Литературное наследство» уже давно ведет работу и по изучению истории советской литературы. Наряду с монографическими, персональными томами, посвященными зачинателям и крупнейшим представителям советской литературы и критики — Горькому, Маяковскому, Луначарскому, Брюсову, Блоку, — редакция выпускает и так называемые «сборные» тома, вводящие в научный обиход неопубликованные тексты целого ряда советских писателей. К этому типу книг принадлежит и новый, 93-й том — «Из истории советской литературы 1920—1930-х годов».

Открывается том своеобразным произведением несправедливо забытой талантливой писательницы Софьи Федорченко «Народ на войне», где в

форме живых коротких записей разговоров и рассказов солдат, красноармейцев, партизан воспроизводятся мысли, чувства, переживания многоголосой народной массы в бурные дни гражданской войны.

Тема гражданской войны представлена в главах из незавершенной повести Александра Малишкова, в которых мы встречаемся и с людьми, проникнутыми революционной, романтической мечтой, и с людьми, живущими и в героические дни лишь мелкими заботами о своем благополучии.

Идейная атмосфера предреволюционных лет воспроизводится в автобиографическом романе Ларисы Рейснер, в ее выразительных зарисовках представителей казенной науки и эстетского искусства, ренегатствующих политиканов и капиталистических дельцов, а также бунтарски настроенных интеллиген-

тов, пытающихся осмелить этот буржуазный мир, но еще не имеющих ясной социальной перспективы.

В более далекое историческое прошлое уводят нас страницы исторической драмы А. В. Луначарского «Солнце», которая должна была завершить драматическую трилогию о создателе одной из ранних коммунистических утопий, итальянском мыслителе и революционере Томмазо Кампанелле.

Дневники и рабочие тетради молодого Александра Твардовского называются идейно-художественное становление поэта, его путь к созданию своего первого крупного произведения — «Страна Муравия». А первые публикуемые стихотворные и прозаические строки Николая Асеева, связанные с его работой над поэмой «Маяковский начинается» или последовавшие за ней, свидетельствуют, какое

большое место занимал образ великого поэта революции в творчестве его друга и соратника.

Второй раздел тома знакомит с интересными материалами эпистолярного наследия советских писателей: здесь собрана вся сохранившаяся часть переписки одного из виднейших критиков и организаторов литературной жизни первого послеоктябрьского десятилетия А. Воронского, а также более полусотни писем Б. Пастернака к таким его литературным современникам, как А. Ахматова, Н. Тихонов, Вяч. Полонский и др.

Из этого обширного содержания тома предлагается вниманию читателей «Литературной России» несколько фрагментов из архива Н. Асеева, посвященных В. Маяковскому.

Николай
ТРИФОНОВ,
доктор
филологических наук,
редактор тома

В. МАЯКОВСКИЙ. Фото 1918 г.

Николай
АСЕЕВ

ВСТРЕЧА

НЕВЫСОКОЕ солнце скупо светило над городом. Розово-дымчатые облака плотно затянули горизонт, как бы охраняя края земли от загустевшего мороза. Иней лежал плотными шапками на ветвях деревьев, на телеграфных столбах, на карнизах окон. Инеем мерцал опаловый воздух зимы. Среди нечастых прохожих, торопившихся укрыть покрасневшие носы за дверями пивных, чайных, дешевых харчевен... среди шуб, и полушубков, и меховых шапок, горжеток и сунсов, капюшонов и воротников по кольцу бульваров от Пречистенских ворот к Никитским шалгал человек, не похожий на этих старооседлых москвичей. Коротенькая серая куртка с поднятым суконным воротником не закрывала покрасневших ушей. Длинные руки с крупными кистями то и дело поднимались к ушам, оттирая их и снова ныряя рукава в рукава, так как перчатки у человека отсутствовали. Сажеными спорными шагами он вымеривал бульвар, ежеась от холода, но его походка не была озабоченным бегом человека, идущего к определенной цели. Человек иногда останавливался, оглядывая последние дома Малого бульварного кольца. Иногда он оборачивался спиной к ветру и, не укорачивая шага, двигался спиной, забирая руки под мышки. Большие темные блестящие глаза его жадно окидывали пройденный путь; поворачивая крупное тело, он шел вверх по бульвару — не то мастерской, не то социалист, из этих, что так подозрительны старожилам, что так несхожи с ними ни поступью, ни одеждой.

В один из таких поворотов, когда человек шел спиной, не уменьшая шага, он натолкнулся именно на такого материального старожилу в запущенной инеем борде, в шубе на котике, в воротнике выше головы, с солидным костылем в солидной руке, утепленной в немнущуюся перчатку. Налетев на почтенную бороду, упрятанную в каракуль воротника, курточник быстро обернулся, сверкнул, как соляной столб, блеском большущих темных глаз, усмехнулся покровительственно и задорно и, буркнув басом: виноват, папаша! — обогнул плавным шагом шубу, повернутую толчком широкого плеча на сто восемьдесят градусов вокруг своей оси. Проследовав дальше, он услышал в спину ворчливый попрек: «Ишь ты, расшагалась ноздря! Глаза на спину посади!» Но тот уже был далеко от рассерженного старожилу, хотя «ноздри» и развеселила меткостью определения. «Хорошо москвичи лаются, — подумалось ему. — Рассмотрел ведь сквозь бороду, шубный черт». И снова облапив голову руками, начал на ходу оттирать зазнобленные уши. Дойдя до памятника Гоголю, бывшего в тот год московской обновкой, человек остановился, обошел его с четырех сторон, все так же продолжая оттирать крупный

Свое большое произведение о Маяковском Асеев задумал в 1934 году как прозаическую повесть. От нее в архиве автора сохранился только публикуемый ниже отрывок, в действующих лицах которого легко узнаются молодой В. Маяковский и один из зачинателей русского футуризма — Д. Бурлюк. Реальная встреча их произошла в 1911 г. в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Здесь эта первая встреча отнесена к январю 1910 г., когда Маяковский был освобожден из Бутырской тюрьмы, где находился после своего третьего ареста московской охранкой. Попытка создать прозаическое произведение о Маяковском не удовлетворила Асеева, и уже в 1936 г. он начал работать над поэмой.

подбородок, нос и уши, пригляделся к заснеженным барельефам, к походящим Чичикова, потом откинулся во весь свой нескладный, юношеский рост, оглядывая взглядом художника горбленную, несчастную фигуру Гоголя, казалось, пытавшуюся согреться от крепкого утенника под бронзовой шинелью. Потанцевав так минуты с три вокруг памятника, человек двинулся дальше через площадь, свернув налево на Арбат, шагая теперь по тротуару, также поворачиваясь из стороны в сторону, то идя стороной <далее в рукописи пропущена одна страница>.

Длинный в куртке уже приготовился встретить плюгавую фигурку какого-нибудь московского полуденди и вдруг остановился в недоумении, как сенбернар перед черепахой. Широкий торс загородил ему дорогу: великолепный

размах грудной клетки, еще усиленный широко расставленными руками, стал заставой на его пути. Асимметричное и тем не менее необычайно привлекательное лицо глядело на него разными глазами. Первый, сильно расширенный и неподвижный, с высоко поднятой бровью, изумлялся и негодовал. Левый радовался и насмехался над неудачным поворотом встречи. Все лицо с коротким прямым носом, с саркастическим ртом, опущенным концами вниз, с упрямым подбородком, искрилось, светилось, сияло добродушием и хитростью, весельем и победой. Странная одежда, состоящая из грубошерстного пальто, распахнутого вопреки времени года, такого же сюртука и необъятных брюк — все из одной и той же материи, несмотря на мешковатость, была как-то по-своему элегантно на этом почти что че-

тырехугольном теле. Небрежно повязанный галстук и пестрый жилет, расцветкой схожий с дешевыми веселыми обоями, и летняя соломенная шляпа, выгоревшая давным-давно где-то под южным солнцем, «Вы очень спешите!» «Не в ваши объятия», — собирался было пробасить долговязый, но необъяснимая симпатия с первого взгляда изменила его наершенный тон на благожелательный. «Поторапливайтесь в никуда», — пробасил он, обдавая встреченного всем блеском своих темно искрящихся глаз. «А откуда, дозволено будет спросить?» — чуть церемонно и настоятельно спросил незнакомец.

Эта встреча двух бродяг на бульваре была похожа на встречу главы государства с вновь аккредитованным послом, ждущим момента вручить свои верительные грамоты.

— Пока что из тюрьмы, — усмехаясь, неожиданно откровенно ответил долговязый.

— Тогда вам следует торопиться по крайней мере вдвое быстрее, — возразил грубошерстный, вынимая из жилета лорнетку и приставляя ее к широко раскрытому глазу, так же сияя усмешкой и добродушием, которыми, казалось, была напряжена каждая черточка его лица. И они разошлись, церемонно давая дорогу, прикоснувшись к своим шляпам и оглядываясь вслед, не имея основания для продолжения разговора и втайне не желая остановить друг друга, недоузнав чего-то, что ими обоими почувствовалось при встрече. И долго еще приставленная лорнетка провожала длинную фигуру, действительно зашагавшую такими огромными шагами, точно за нею и впрямь была погоня. Лорнетка запомнила удаляющиеся очертания долговязого, изнула, ошупывала их как новый, необычайный феномен, который еще нужно приобщить, упорядочить, оживить в собственной биографии...

Из стихотворных фрагментов 1930-х годов, не вошедших в поэму

Его привечали.
Его изучали.
Размеры его доброты и длины.
Так море, раскачивая вначале,
На галку
большие дробит валуны.
Огромное море,
Где пена и щебень,
Простор человечества,
Мир буревой,
Где сильных
волна поколенья — на гребень
выносит,
а слабых
пускает ко дну головой.
А может, не море,
а медленный жернов,
Что сразу все силы,
все соки берет,
Пеньковые ламки
Под мышки продернув,
Все хлещет и гнет,
Понукая: вперед!

Таким он мне видится.
Мучится, мечется —

огромен в страстях
и ребячески мал,
Заложник грядущего человечества,
Попавший в стремительный
времени вал.

...И вот пошли искать
на солнце пятен;
то здесь,
то там,
в два пальца резкий свист:
— он мелкобуржуазен,
непонятен,
Он — лишь полутчик,
он эгоцентрист!
Он слишком вычурен!
Не в наших вкусах!
О, как был дружен
тот злобевый вой...
И вот — медведь,
качающийся в укусах
своей большой,
гонимой головой!
Друзья!

Но что друзей кружок нехитрый,
сникающий

при первой же грозе!
Какой, к примеру, друг,
Хитровский Митрий!
Избави бог
от таких друзей!
Читатели!
Сочувственники —
Эти
похлопают,
на цыпочки привстав,
и разойдутся,
расплывшая на свете,
пойди —
ищи их у семи застав.
При счастье —
все вплотную
в круг теснятся,
Все в самой близкой
кажутся связи,
а в горе —
как-то вдруг
начнут стесняться:
«Не оказаться б
лишними вблизи!»

Публикация А. М. КРЮКОВОЙ